

О.В. Орлова

Томский государственный педагогический университет

**Дискурсивно-стилистическая эволюция
«потухшего» медиаконцепта
(на примере концепта *гласность*)**

Аннотация: В статье рассматриваются дискурсивные и экстрадискурсивные факторы, обусловившие «затухание» актуального для отечественных СМИ середины 1980-х – начала 1990-х годов концепта *гласность*. На основе анализа текстов еженедельника «Аргументы и факты» (1987 – 1993 гг.) автор доказывает, что непродолжительность жизненного цикла и слабость миромоделирующего потенциала концепта обусловлены содержательной редуцированностью и аксиологической однозначностью его семантического развертывания в медиадискурсе.

In article are considered discursive and extradiscursive factors which have caused «fading» of concept *glasnost* actual for domestic mass-media of the middle 1980 – the beginnings of 1990th. On the basis of the analysis of texts of a weekly journal «Arguments and the facts» (1987 – 1993) the author proves that short duration of life cycle and weakness of world modeling potential of concept is caused by substantial reduction and axiological unambiguity of its semantic expansion in a media discourse.

Ключевые слова: медиаконцепт, дискурсивно-стилистическая эволюция концепта, жизненный цикл, миромоделирующий потенциал.

Media concept, stylistic-discursive evolution of concept, life cycle, world modeling potential.

УДК: 81'37; 81'38

Контактная информация: Томск, ул. Карла Ильмера, 15/1, ТГПУ, историко-филологический факультет. Тел. (3822) 621747. E-mail: orlova13@sibmail.com.

Медиаконцепты – лингвосемантические феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедшие в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставшие средством формирования и трансформации массового сознания (см. подробнее о месте медиаконцептов в ряду смежных концептуальных структур, их типологии и сущностных характеристиках [Орлова, 2010]).

Базовыми характеристиками, позволяющими провести валидную процедуру анализа медиаконцепта, являются его жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Под жизненным циклом медиаконцепта понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта определяется нами как способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, формируя постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума.

Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал являются двумя тесно связанными детерминантами процесса дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта как динамической вербально-смысловой целостности. Длитель-

ность жизненного цикла и мощностъ миромоделирующего потенциала концепта определяются комбинаторным взаимодействием ряда дискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К первым относится обусловленная мощностъю резонансного взаимодействия разнополярных аксиологических модусов сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания концепта, ко вторым – существующие в объективной исторической реальности политические, экономические, социокультурные обстоятельства.

В современной медиасфере можно выделить такие находящиеся в стадии интенсивного дискурсивно-стилистического развития концептуальные доминанты, как *кризис*, *гламур*, *нано*, *нефть* и др. (впрочем, можно, на наш взгляд, говорить о связанном с социальной деактуализацией постепенном «затухании» концепта *кризис*). Однако дискурсивный опыт нашего современника, ставшего с советских времен до эпохи информационной глобализации свидетелем коренных преобразований в социальной действительности, включает представления о достаточном количестве «потухших» концептов. Предпосылкой их «затухания» также становится определенное коррелятивное взаимодействие ряда дискурсивных и экстрадискурсивных факторов.

Действительно, обычно «естественной смерти» концепта предшествует нивелирование его социальной значимости, деактуализация понятия в действительности и общественном сознании, связанная с нивелированием самой реалии, уходом с исторической сцены самого референта. Например, с уходом в прошлое эпохи Ельцина устарело медийное значение слова *семья* («окружение экс-президента России Б. Ельцина, который приблизил к руководству страны небольшой круг людей, связанных близкими семейными и дружескими связями» [Вепрева, 2005, с. 238–239]). Концепт *семья* так и не стал, на наш взгляд, полноценным медиаконцептом по причине конкретности и одномерности его семантики и плоскостной монополярной оценочности.

В то же время особый интерес представляют концепты, претерпевшие своеобразную «смерть в дискурсе» – ставшие «неактуальными при неизменности референта» [Карасик, 2009, с. 13]. Так, в статье В.И. Карасика «Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство»)» «рассматривается один из концептов, который был актуален в русском языковом сознании Советской эпохи», но «является уходящим концептом в современной русской лингвокультуре». Представленный в данной работе анализ многочисленных словарных определений и текстовых употреблений приводит к следующему дефиниционному обобщению: «очковтирательство контекстуально уточняется как органически присущий бюрократам обман государства, состоящий в подмене качественных характеристик явления его формальными количественными показателями с целью создания благоприятного впечатления о положении дел и сочетающийся обычно с безответственностью, некомпетентностъю и высокомерным равнодушием к людям, зависимым от бюрократов». В финале статьи автор выдвигает свою версию основной причины деактуализации концепта при стабильном присутствии в социальной экстрадискурсивной действительности его означаемого: «Возникает вопрос: почему это ментальное образование потеряло актуальность для наших современников, хотя бюрократия несколько не изменила своего поведения?... По-видимому, произошло смещение базовых ценностей: перенос центра тяжести с коллективных ценностей на индивидуальные привел к тому, что обман государства перестал быть предметом эмоционального переживания» [Там же, с. 9–13].

Выводы В.И. Карасика весьма созвучны нашей теории, согласно которой интенсивность дискурсивно-стилистической эволюции и длительность жизненного цикла медиаконцепта обусловлена активностъю дискурсивного взаимодействия разновариантных векторов его семантико-аксиологического развертывания. Это, в свою очередь, определяется силой, яркостъю и стабильностъю присутствующе-

го в сознании социума и репрезентируемого в медиадискурсе «эмоционального переживания» по поводу данного медиаконцепта.

Одной из концептуальных доминант времени перехода советской эпохи в постсоветскую, очень быстро «затухшей», в том числе и по причине молниеносного спада возникшего вокруг нее «эмоционального напряжения», стал медиаконцепт *гласность*, зародившийся в так называемой новой демократической прессе в середине 1980-х годов.

Для окрыленного демократическими преобразованиями общества конца советской эпохи гласность была символом освобождения, очистительной правды, истинного гуманизма, надежды на торжество социальной справедливости. Размышления над «судьбой» этого понятия в дискурсе отечественных СМИ неизменно сопряжены с поиском ответа на вопрос о причинах столь недолгой активной семантической жизни концепта, имя которого, по данным электронной энциклопедии «Википедия» (<http://ru.wikipedia.org>), обозначает «в современном словоупотреблении основной компонент политики перестройки, проводимый М.С. Горбачёвым во второй половине 1980-х в СССР». Вместе с тем на рубеже 1980-х – 90-х годов вербально-ментальная целостность, репрезентируемая лексемой *гласность*, была ярчайшим медиаконцептом с исключительно мощным миромоделирующим потенциалом.

Несмотря на то, что понятию и лексеме *гласность* лингвисты, социологи и политологи уделили немалое внимание, большая часть научных работ носит констатирующе-диагностический характер. Многие авторы диагностируют весьма короткий жизненный цикл и естественную смерть данного концепта в постперестроечный период. Так, Н.В. Черникова указывает, что высокий социальный рейтинг концепта *гласность* имел непродолжительный характер. Это понятие, «осмыслявшееся в период перестройки как приоритетная гражданская и политико-идеологическая ценность, составляющая государственной политики, в последующие годы утратило высокую степень социальной значимости», что обусловило его пассивизацию [Черникова, 2008, с. 20]. Некоторые исследователи полагают, что возникновение новых идеологем (*перестройка, демократизация, гласность*) стало «лишь следствием кризиса идеологии», а «реального политико-экономического содержания» они вообще не имели, что обусловило их неспособность к стратегическому развитию [Олешко, 2007, с. 4].

Данная неординарная лингвосоциокультурная ситуация закономерно вызывает ряд вопросов. Если данный концепт был на самом деле смысловой пустышкой, не имеющей «реального политико-экономического содержания», семантически ущербной идеологемой, насильно навязанной лингвокультурному сообществу сверху, чем объясняется факт его столь исключительной востребованности на страницах так называемой демократической прессы, что слово гласность называют «фирменной маркой средств массовой информации» конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. [Лисюткина, 1993, с. 101]? В чем причина того, что смысловая доминантна, интенсивно расширявшая семантический объем и эмоционально-оценочную колористику, потухла с той же впечатляющей интенсивностью (от более 100 употреблений на страницах самой популярной газеты перестроечных времен – еженедельника «Аргументы и факты» в 1987 г. до менее 10 – в 1993 г.)? Только ли в утрате понятием социальной значимости? Какие дискурсивно-эволюционные процессы стимулировали и сопровождали процесс социальной деактуализации концепта? Почему так называемый «русский аналог» общечеловеческого императива *свобода слова*, во-первых, проиграл ему в процессе вербальной конкуренции, а во-вторых, не способствовал закреплению и этого универсального интернационализма в культуре и социальном сознании современной русской языковой личности?

Попытаемся ответить на эти вопросы на основе анализа медианарратива еженедельника «Аргументы и факты» (АИФ) за период с 1987 по 1993 гг.

Начнем с того, что процесс внедрения относительно нового понятия в умы и сердца наших соотечественников, на самом деле, начался «сверху». Оно входило в информационный тезаурус тогда еще советского человека тем же путем, что и другие претендующие на статус объяснительных моделей безапелляционные директивы советского образца, такие как *диалектический материализм, индустриализация, социалистическое соревнование*. Так, в период затухания концепта в 1993 г. социолог Л. Лисюткина отмечает: «В первый период гласности, почти до 1988 года, партийные реформаторы, прежде всего М. Горбачев и его окружение, буквально силой подталкивали официальную печать к свободе, отучая ее сотрудников от самоцензуры и поднимая все выше планку гласности» [Лисюткина, 1993, с. 102].

Гласность стала пропагандироваться как закономерное следствие «правильного», демократического прочтения на новом витке развития основ социалистической идеологии, как «продолжение дела Октября» (лозунг на почтовой марке 1988 г.), как новый неизвращенный субъективистскими перегибами мировидческий инструмент в деле вечной и неустанной борьбы партии за социальные идеалы: *Эффективная и идеологическая, политико-воспитательная работа партии, оперативная информация на основе гласности формируют самостоятельное марксистское мышление людей... Глубокая демократизация политической системы обеспечена законом гласности. Что заставит работать закон социализма без субъективистских извращений*.

Отмечаемый Н.А. Купиной искусственный характер лексической новации [Купина, 1995, с. 15] ярко проявляется в медианарративе второй половины 80-х, во-первых, в форме медийной кодификации нового лексико-семантического варианта лексемы, образовавшегося путем внутрисловной семантической деривации (вряд ли политико-терминологическое значение слова, приобретенное им в период реформ Александра II и подразумевающее ослабление цензурного контроля над периодической печатью, а позже также открытость в принятии решений и процессе работы некоторых органов власти – прежде всего судов, было актуально для массового сознания) [Черникова, 2008, с. 18].

Причем семантизация лексической инновации происходит в полном соответствии со свойственным советской стилистической и риторической манере прямолинейной патерналистичностью, категоричностью, назидательностью. Так, *гласность* толкуется через целые ряды лексических и контекстуальных синонимов, представляющих собой те же семантические пустышки лозунгового безапелляционно мейоративного характера: *Все больше утверждается в качестве активно действующих принципов гласность, правдивость, непримиримость к недостаткам, стремление улучшить дело... Пленум отмечает, что осуществлению задач, стоящих перед нашим обществом, утверждению гласности, здоровой, критической атмосферы активно способствует печать, телевидение, радио; Эти принципы суть демократизм, гласность, смелость и открытость суждений, критичность*.

Новую идеологему окружают клише и штампы советской общественно-политической риторики, эксплуатирующие расхожие метафоры военной сферы (*Современным оружием стали подряд, аттестация, доход, фонды, нормативы, демократия, открытость, гласность*), контекст безальтернативных телеологических ориентиров – задач, стоящих перед обществом, коренных принципов его существования (примеры см. выше), основополагающих норм жизнедеятельности (*В условиях гласности, которая становится сейчас нормой жизни; Мы верим, что гласность действительно станет нормой, и не надо опасаться за судьбу ее сторонников; Быстрейшее становление гласности как нормы жизни; Чем быстрее гласность и демократизм станут нормой в комсомоле, тем быстрее мы от таких злоупотреблений избавимся; Иными словами, одна из главных сегодня задач – активно способствовать тому, чтобы гласность стала нормой жизни со-*

ветского общества; Мы хотим показать молодежи, что гласность в нашем обществе стала нормой жизни, запретных тем нет).

Как видно, гласность в качестве ценностной нормы видится в футуристическом ключе – это идеал, в который нужно верить, норма, к которой нужно стремиться. Свойственная советской пропагандистской риторике парадигма квазиромантической неуспокоенной устремленности, императив «не останавливаться на достигнутом» реализуется в многократно повторяющихся штампах, фокусирующих смысл направления, и результативности движения: *планка чего-либо (планка коллективизации), курс + предлог на: противоречит курсу на гласность; Съезд народных депутатов, выборы так подняли планку гласности...; а осенью, смею думать, планка гласности еще выше поднимется* (к слову, еще в 1917 г. лозунгом VI Съезда РСДРП(б) стал слоган *Курс – на вооруженное восстание, курс – на социализм!*).

Назидательность и дидактизм проявляются в контекстах заботы о гласности, культивировании гласности, обучения гласности: *Гласность не может обеспечиваться сама по себе. Ее надо создавать; Гласность – это культура демократизма, которой нам надо ещё учиться; Гласность становится заботой каждого из нас.*

Насильственно внедряемая в условиях идеологической несвободы мировоззренческая установка должна обрести качество всеохватности и всеобщности. Если сверху спущена разрядка на гласность, о работе в этом направлении и наличии этого атрибута в собственной деятельности должны рапортовать все организации и учреждения, независимо от их отраслевой принадлежности: от медицины, науки, искусства (*Гласность в медицине – как вы ее понимаете? Гласность в медицине – это широкое освещение новых способов в лечении и диагностике; Отсутствие же гласности активно влияет и на научный процесс; Необходима пропаганда экологических знаний, которая обеспечит гласность экологической экспертизы новых вещей, новых технологий, новых проектов; Опасность снижения художественного уровня в погоне за прибылью реальная, но преодолимая в обстановке гласности... Что такое гласность в литературе?*) до, как это ни парадоксально для перестроечного времени, силовых органов (*МВД СССР приняло специальную «Программу расширения гласности»; Гласности в работе чекистов отводилось важное место с первых дней существования ВЧК*). Комичность последних высказываний по отношению к главным исполнителям репрессий и подавления инакомыслия граничит с абсурдом и, думается, даже для читателя-современника звучала издевательски фальшиво.

К чему же сводится гласность как непосредственный стимул к деятельности? Что, по мнению человека рубежа 90-х гг., она должна принести в реальную жизнь? К сожалению, вынуждены констатировать, что в подавляющем большинстве случаев гласность трактуется однобоко: как действие, нацеленное на то, чтобы тайное стало явным, причем тайное априори неприглядное, негативное, достойное осуждения. Типичная коллокация *предать гласности* (*Боремся с бюрократами, предаем их гласности*) ярко фокусирует этот смысл на фоне таких устойчивых сочетаний, как *предать суду, предать анафеме, предать забвению* и своего «однокорневого синонима» *предать огласке*. Именно как дублет *огласки* – разглашения какой-либо информации – по преимуществу воспринимается гласность общественным сознанием и ассоциируется исключительно с критикой, причем слово *критика* выступает в традиционной для его советской экзистенции роли (*конструктивная критика, подвергнуть критике*): *Мы являемся свидетелями политики гласности в СССР, благодаря которой появилась возможность подвергать открытой критике существующие ошибки и в результате – значительно ускорять их исправление; Закрытых партсобраний в наше время не должно быть. На мой взгляд, они сдерживают развитие демократии, тормозят гласность, снижают уровень критики недостатков; Сейчас, в эпоху гласности и де-*

мократии, критика вышла на свободу; Гласность должна иметь два направления, все должны быть подвержены критике; Гласность должна быть для всех. У нас не должно быть зон, свободных от критики; Многим трудно дается гласность, не по нутру критика. Так гласность приобретает два синонима, редуцирующих и огрубляющих значение концепта: *огласка* и *критика*.

Поскольку по меркам советской идеологии с негативными проявлениями нужно всемерно бороться, метафора борьбы – один из наиболее частотных контекстуальных соседей лексемы гласность: *провозглашенная политика гласности – это не открытая дверь с информацией, которая разложена по полочкам, а процесс борьбы; борьба за утверждение гласности.* Тех, кто противостоит этой борьбе и тех, против кого она направлена, следует покарать: *Демократия и гласность, как горный рудник, пробивают себе дорогу. Так, в этом году по сигналам трудящихся были прекращены полномочия свыше десяти депутатов Верховного Совета республики, которые не оправдали доверия избирателей. Особое значение придаем всемирному расширению гласности в борьбе с разнообразными проявлениями частнособственнической психологии, негативными явлениями.* Как видим, гласность в данном контексте интерпретируется как сигналы трудящихся (эвфемистическое обозначение доносительства) о проявлениях частнособственнической психологии и иных негативных явлениях, повлекшие справедливое возмездие.

В традициях советской примитивной политической биполярности гласность становится благодатным полем для поиска скрытого врага, латентного диверсанта, сопротивляющегося общему делу. В правилах тактики поиска врага и нагнетания протестного пафоса формулируются устрашающие высказывания, выглядящие прямой угрозой и чреватые возможной «охотой на ведьм» (напомню – идет 1987 год, разгар перестройки): *Видимо, не все еще сторонники гласности. Есть и такие товарищи, которые считают, что гласность подрывает авторитет руководителя; не перевелись еще, к сожалению, руководители, которым не по душе гласность; Это были те, кто не хочет перемен, боится перестройки, кто знал, что неизбежные при новом руководстве перемены в общественно-политической жизни республики, расширяющаяся гласность и демократизм обязательно высветят скрываемое неблагополучие.*

В итоге обещавшая бурное семантическое развитие концептуальная доминанта, как оказалось, сводится в медиадискурсе рубежа 90-х годов к абсолютизации протестного, и, в конечном счете, негативистского пафоса. Единственная трактовка анализируемого понятия, обладающая референциальной конкретикой, подразумевает беспрепятственный доступ к информации и в некоторых случаях ее обсуждение: *Гласность для нас – это канал для распространения достоверной и полной информации о жизни общества. Это трибуна широкого и демократического обсуждения всех вопросов; Само слово «гласность» вошло ныне в различные языки. Его трактуют в основном как увеличение потока информации. Это толкование зауженное, ибо гласность – это рост значения общественного мнения, оказывающего возрастающее влияние на государственное решение.* Очевидно, что даже в данных контекстах концепт семантически опустошен, так как широкое демократическое обсуждение и рост значения общественного мнения далее никак не интерпретируются, оставаясь заявочными декларациями.

Постепенно модные слова перестройки, и гласность в их числе, начинают восприниматься как затертые публицистические штампы, о чем говорят в начале 90-х, что закономерно, те, кому по праву профессии испокон веков дана привилегия «говорить правду», но в ироническо-юмористической тональности: *Клара Новикова (Кстати, эти слова – перестройка, гласность, демократия – сейчас до такой степени затерты и замусолены, что для многих, в том числе и для меня, потеряли свою значимость), Ефим Шифрин (больше всего мечтает побыть в одиночестве, так как не может «даже чихнуть так, чтобы это не стало дос-*

тоянием гласности). Травестийное обыгрывание в данном случае является ярким симптомом «семантического кризиса» в дискурсивном бытовании понятия, изначально призванного фокусировать и эволюционировать в сторону высокой гражданско-нравственной позиции.

Так, на наш взгляд, начинается и развивается внутренний глубинный семантико-идеологический конфликт, явившийся одним из собственно интрадискурсивных оснований «смерти» анализируемого концепта. Речь идет о парадоксальной оксюморонности внутри семантической матрицы самого концепта: понятие, по определению пропагандирующее плюрализм мнений, многополярность позиций, вариантность оценок, преподносится как не требующее и не терпящее обсуждений априорное и самоочевидное этическое и социальное благо. В прессе рубежа 90-х, как показал анализ, не происходит многоканального семантического развертывания доминантного медийного смысла, гласность так и остается идеологемой – и только, со всеми присущими этому лингвоментальному конструкту признаками содержательной редуцированности, искусственности, аксиологической прямолинейности, догматичности.

Признак идеологемы – догматизм, навязанная сверху однозначная оценочная прямолинейность, признак медиаконцепта – принципиальный адогматизм, способность в процессе свободного ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе формировать разные интерпретационные векторы вариативной, зачастую диаметрально противоположной аксиологической валентности. И чем выше градус, чем разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал. Залог относительно длительной и полнокровной дискурсивной жизни концепта в самоорганизующемся коммуникативном пространстве – своеобразный маятниковый эффект. К сожалению, концепту *гласность* не стали свойственны ни широкая амплитуда колебаний семантико-аксиологического маятника, ни разнообразный спектр смысловой и оценочной нюансировки интерпретационного контента.

В сознании современников *гласность* так и осталась нереализованной, ущербной утопией. Эпитеты и модальные операторы, сопровождающие эту лексему, в настоящее время архаизирующуюся и сузившую значение до обозначения атрибута политики перестройки, в современном рефлексивном употреблении актуализируют именно признак неполноценности, ущербности, незавершенности, некой «недоделанности»: *гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколько-нибудь объективных исследований* [Чудинов, 2001]; *половинчатых времен перестройки и гласности* [Роднянская, 2008]; *Зачем нужна была гласность – понять было сложно... Никаких фундаментальных изменений* [Д. Пучков (Гоблин) о СССР, 2010].

Совсем недавно Д. Медведев назвал *гласность* паллиативом, противопоставив ее *свободе слова* (сопоставление этих синонимических конструктов – сюжет для отдельного исследования): *Я против гласности. Это плохой термин. Необходима свобода слова, а гласность – это паллиатив, изобретенный в советские времена для того, чтобы не давать этому явлению правильного наименования* (Новый Регион – Политика, 2010, 27 апр. <http://www.nr2.ru/policy/281107.html>). Агноним *паллиатив* обозначает в медицине «средство, временно облегчающее проявление заболевания, но не устраняющее его причины», а в расширительном значении – «мера, не обеспечивающая полного, коренного решения поставленной задачи, полумера» [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2001, с. 598].

Таким образом, итог семантической эволюции медиаконцепта *гласность* – его дискурсивное затухание, пассивизация и деактуализация. А в рефлексии общественном сознании – социальная фрустрация, апатия и разочарование,

ярко выраженные В. Познером в интервью о положении дел в современной журналистике: *И гласность вроде бы есть, и свобода слова* (Новая газета, 2010, 10 марта).

Литература

- Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
- Д. Пучков (Гоблин) о СССР! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.italia-ru.it/forums/2010/08/24/d-puchkov-goblin-o-sssr-ochen-interesno>.
- Карасик В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2009. Вып. 4 (30). С. 9–13.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Лисюткина Л. Самиздат и агитпроп. Гласность перед вызовом свободного рынка // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 101–113.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2001.
- Олешко В.Ф. Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности. Екатеринбург, 2007.
- Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.
- Роднянская И. Дней минувших анекдоты? // Арион. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2008/4/ro28.html>.
- Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985 – 2008 гг.): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.html>.